

Ревизоръ.

(Истинное происшествіе).

Въ 1858 году наша батарейная № 3-я батарея 3 сводной артиллерійской бригады стояла въ г. Старый Быховъ, Могилевской губерніи. Городъ по преимуществу жи-довскій, но, конечно, не лишенный администраціи. Былъ тамъ городничій, были: почтмейстеръ, стряпчій, казначей и былъ комиссаріатскій чиновникъ, по просту называвшійся тамъ комиссіонеромъ.

Городничій былъ прекрасный человѣкъ. Холостой и еще молодой. Былъ онъ сильно раненъ въ Севастополѣ и поэтому получилъ мѣсто городничаго. Съ нимъ мы, офицеры, жили душа въ душу. Часто мы бывали у него и онъ у насъ. Иногда и покучивали вмѣстѣ. Жаль, я забылъ его фамилію. Почтмейстеръ, стряпчій и казначей были совсѣмъ обыкновенные чиновники тогдашняго времени, какіе бывали по захолустьямъ. Съ ними мы были мало знакомы. Но съ комиссіонеромъ были въ хорошихъ отношеніяхъ.

Это былъ уже пожилой человѣкъ, но имѣлъ молодую жену польку, очень недурную собой. Скупъ былъ комиссіонеръ страшно. Насъ онъ посѣщалъ часто, а когда, бывало, мы соберемся къ нему, то всегда норовили устроить такъ, чтобы не вводить его въ расходъ. Принесемъ, бывало, съ собою баранокъ, закусокъ, выпивку и потребуемъ у него только самоваръ. Ходили къ нему, конечно, изъ-за жены. Балагурили съ нею и время проводили довольно сносно, если взять во вниманіе страшную глушь Ст. Быхова. Звали этого комиссіонера Александръ Дани-

ловичъ Сребницкій. Мы же, молодежь, за его наружность дали ему прозвище „Чортова Кукла“. Конечно, у всѣхъ чиновниковъ рыльце было въ пушку. Всѣ и всегда побаивались пріѣзда начальства или ревизіи. Городничій за себя, почтмейстеръ за свою часть, а комиссіонеръ за свои провіантскіе магазины. за отчетность, за мышьядь и проч.

Офицеры у насъ были, какъ и всегда въ артиллеріи, изъ кадетскихъ корпусовъ.

Составъ офицеровъ былъ слѣдующій: я, мой братъ Владиміръ, Тимоховичъ, Олсуфьевъ, фонъ-Мецгеръ и Брецинскій и по странной случайности всѣ, за исключеніемъ Тимоховича, кадеты Новгородскаго, графа Аракчеева, кадетскаго корпуса, выпускъ 1853—1855 г. Само собою мы жили дружно на одной квартирѣ и столовались у себя.

Интересы наши не ограничивались только выпивкою, да службою, но мы интересовались общественною жизнью, литературою, науками.

Время въ Быховѣ текло вообще однообразно. Кромѣ чтенія, службы, да посѣщеній городничаго съ комиссіонеромъ ничего не было.

Въ собраніяхъ нашихъ, зачастую, мы что-нибудь читали вслухъ и потомъ разсуждали и спорили о прочитанномъ.

Такъ было и въ одинъ вечеръ августа 1858 г. Собрались мы читать „Ревизора“ Гоголя.

Пошли споры. Нѣкоторые говорили, что Гоголь очень утрировалъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, другіе, напротивъ, говорили, что эти лица взяты прямо съ натуры, что это типы, которые можно встрѣтить и теперь. Я высказалъ мнѣніе, что при небольшомъ умѣньи можно и теперь разыграть роль ревизора и свести съ ума чиновниковъ. Тимоховичъ, офицеръ (нынѣ покойный) мой другъ и товарищъ, меня поддерживалъ. Другіе опровергали и спорили, что этого нельзя теперь устроить. Спорили сильно и долго и въ концѣ концовъ рѣшили сдѣлать опытъ. Тимоховичъ взялся быть „Ревизоромъ“. Но, такъ какъ, будучи всѣмъ извѣстенъ, онъ не могъ явиться прямо ревизовать кого-нибудь, то мы рѣшили придти къ нему на помощь и обдумать весь планъ. Конечно, задуманное дѣло, кромѣ смысла доказательства, имѣло и смыслъ развлеченія, что въ нашей глуши бывало такъ рѣдко. Начались переговоры—что и какъ устроить. Ѣхать въ другой городъ нельзя, если что и возможно сдѣлать, то тутъ же, въ Быховѣ. Но, чтобы ревизовать какую-нибудь часть, надо ее знать хоть сколько-нибудь, иначе попадешь сразу въ просакъ. Мы же почтовой части вовсе не знали,

казначейской и полицейской тоже, дѣль стряпчаго и подавно. Оставался только одинъ комиссіонеръ Александръ Даниловичъ—Чортова Кукла. Съ этимъ можно было сладить. Дѣло въ томъ, что мы, занимая по очереди хозяйственную должность въ батареѣ и получая провіантъ, часто бывали у Чортовой Куклы въ магазинахъ, знали его дѣлопроизводство, видѣли книги, знали кое-какіе его промахи, злоупотребленія и проч. Словомъ, легко можно было на первыхъ порахъ разыграть роль знатока. Оставалось одно затрудненіе: устроить и обставить дѣло такъ, чтобы, во-1-хъ, Тимоховичъ не могъ быть признаннымъ, а во-2-хъ, чтобы пріѣздъ ревизора былъ какъ можно болѣе правдоподобенъ.

Начались приготовленія. Мы знали, что комиссаріатская часть Могилевской губ. подчинена Варшавскому округу. Сдѣлали справку въ памятной книжкѣ и узнали, что въ округѣ есть инспекторъ, что ли, князь Шаховской. Этого Шаховскаго Тимоховичъ и рѣшился разыграть.

Прежде всего, 26-го августа, въ день коронаціи, утромъ, отправились мы къ Чортовой Куклѣ пить полуденный чай. Подъ видомъ дружбы и доброжелательства мы ему говоримъ: „а знаешь ли, Александръ Даниловичъ, новость?“ — „Какую?“

— Да вотъ, такому-то пишутъ изъ Могилева, что тамъ теперь идетъ ревизія по вашей части. Пріѣхалъ туда изъ Варшавы какой-то князь Шаховской. Говорятъ, звѣрь. Дѣлаетъ Богъ знаетъ что. Пишутъ, что гдѣ только не былъ, вездѣ дѣль понадѣлалъ. Нѣсколькихъ комиссіонеровъ подъ судъ отдалъ, другимъ въ отставку велѣлъ подавать. По секрету говорятъ, что онъ изъ Могилева поѣдетъ къ намъ, а потомъ въ Рогачевъ.

Извѣстіе это ужасно поразило Чортову Куклу. Однако, все-таки, онъ насъ началъ благодарить за сообщеніе. Жметъ намъ руки и говоритъ, что очень цѣнитъ наше предупрежденіе, что для него оно въ высшей степени важно, такъ какъ надо кое-что приготовить.

А мы ему говоримъ: „Такъ вотъ подготовляйся скорѣе, вѣдь неизвѣстно, когда пріѣдетъ“. Вскорѣ мы распрощались и ушли. Между тѣмъ еще задолго начались у насъ приготовленія. Во 1-хъ, мы уговорили только-что пріѣхавшаго на службу въ батарею, никому еще неизвѣстнаго молодого офицера Брешинскаго (нынѣ покойный) играть роль денщика князя Шаховскаго. Тотъ, будучи очень веселаго нрава и шустрый малый, легко и съ удовольствіемъ на это согласился. Такимъ образомъ

роль Осипа была обезпечена. Во 2-хъ, наняли у мужика въ сосѣдней деревнѣ тройку хорошихъ лошадей въ телѣгѣ съ тѣмъ, чтобы онъ самъ не ѣздилъ, а предоставилъ бы лошадей намъ. Въ 3-хъ, перешли у офицерскаго пальто лацканы и ртутью высеребрили пуговицы. Въ 4-хъ, набрали сколько можно было, чемодановъ и набили ихъ сѣномъ и кирпичемъ.

Вернувшись отъ Сребницкаго, мы принялись за дальнѣйшее. Лошади ждали насъ за городомъ. Денщикомъ мы послали привязать къ телѣгѣ чемоданы, а сами начали окончательно готовиться. Тимоховича загримировали и одѣли. Тогда онъ былъ еще безъ усовъ. Наклеили усы и великолѣпныя, длинныя бакенбарды. Подушками придали фигуру очень полнаго человѣка, собрали всѣ кольца у офицеровъ и понадевали на пальцы; Тимоховичъ былъ блондинъ, сдѣлали его, посредствомъ помады съ сажею, брюнетомъ. Подкрасили лицо, сдѣлали морщины, посадили надъ бровью бородавку съ волосами. Словомъ, преобразили такъ, что, взглянувъ въ зеркало, онъ ахнулъ и самъ себя не узналъ.

Брецинскаго нарядили денщикомъ, а моего настоящаго денщика ямщикомъ.

Уже смеркалось, когда мы всѣ по одиночкѣ перебрались за городъ къ тройкѣ, и осмотрѣвъ все—окончательно условились и поѣхали въ городъ.

Ямщикъ (т. - е. мой денщикъ) и человѣкъ (т.-е. офицеръ Брецинскій), на козлахъ, а Тимоховичъ, окруженный чемоданами, на господскомъ мѣстѣ. Лошади великолѣпныя, колокольчикъ, бубенчики.

Съ шумомъ и громомъ помчалась тройка по городу. День, или лучше сказать, вечеръ, былъ великолѣпный. По случаю коронаціи много гуляющихъ по улицамъ. Съ грохотомъ тройка влетѣла на большую улицу и остановились противъ буточника, стоявшаго недалеко отъ полиціи. Человѣкъ (Брецинскій) громко спросилъ у него, гдѣ живетъ комисіонеръ. Буточникъ, вытянувшись въ струнку, указалъ домъ, бывшій тутъже напротивъ. Мы всѣ, конечно, домъ-то знали отлично, да надо же было показать незнаніе города.

Мигомъ подкатила тройка къ дому Чортовой Куклы.

Брецинскій, отлично разыгрывая роль человѣка, соскочилъ съ козелъ, вбѣжалъ въ домъ, встрѣтилъ самого хозяина и сообщилъ ему, что пріѣхалъ князь Шаховской и просить разрѣшенія у него остановиться. Чортова Кукла обомлѣлъ, развелъ руками, затрясся, поблѣднѣлъ и слова сказать не смогъ.

Выскочила его жена, узнала, въ чемъ дѣло, и, конечно, сказала, что они за счастье считаютъ принять такую особу.

Брещинскій вышелъ къ Тимоховичу, высадилъ его изъ телѣги и началъ съ ямщикомъ таскать въ домъ чемоданы, прямо въ залу. Когда все было внесено, тройка отъѣхала. Хозяйка мигомъ переодѣлась и вышла къ Тимоховичу, который, обратившись къ ней, сказалъ, что въ Могилевѣ его предупредилъ Моравскій, губернской комиссіонеръ, что въ Быховѣ онъ квартиры не найдетъ, и совѣтовалъ ѣхать къ нимъ. „Вотъ почему только я и позволилъ себѣ рѣшиться стѣснить васъ“, сказалъ Тимоховичъ. Польшка залезла: стала присѣдать, раскланиваться, улыбаться и говорить: „Помилуйте, Ваше Сіятельство, мы за счастье считаемъ, что намъ выпало на долю видѣть васъ у себя. Ради Бога, располагайте всѣмъ не стѣснясь. Не прикажете ли съ дороги чаю или закусить? Позвольте просить васъ“.

Тимоховичъ, принявъ извѣстную осанку и тонъ, отвѣтилъ: „Съ большимъ удовольствіемъ. Я страшно усталъ, разбитъ. Дѣло въ томъ, что на пути изъ Могилева у меня сломалась коляска и я принужденъ былъ послѣднюю часть пути протрястись въ телѣгѣ. Дорога ужасная. Меня совершенно разбило“.

Хозяйка высказала глубокое сожалѣніе и соболѣзнованіе положенію князя и, извинившись, ушла хлопотать скорѣе о чаѣ.

Между тѣмъ, нѣкоторые офицеры, которые забрались къ Чортовой Куклѣ заранѣе, чтобы видѣть моментъ пріѣзда ревизора, хлопотали вокругъ совсѣмъ растерявшагося хозяина. Они насилу одѣли его. Онъ былъ совершенно парализованъ и не могъ не только застегнуться, но даже вставить руки въ рукава мундира. Съ грѣхомъ пополамъ его одѣли.

По нѣкоторому шуму Тимоховичъ догадался, что Сребницкій идетъ представляться; почему повернулся къ двери спиною, принялъ равнодушный видъ и, заложивъ руки за спину, сталъ какъ-бы осматривать стѣны, потолокъ и всю обстановку давно знакомой ему залы, нацѣвая въ то же время какую-то арію.

Почтеннѣйшій Александръ Даниловичъ, нацѣпочкахъ, еле дыша, идетъ къ нему. Когда Тимоховичъ услышалъ, что онъ въ 2-хъ-3-хъ шагахъ отъ него, онъ быстро обернулся. Тотъ такъ испугался, что моментально отскочилъ шаговъ пять назадъ. Затрясся, поблѣднѣлъ и еще еле заплетающимся языкомъ и дрожащимъ голосомъ проговорилъ: Че-с-ть и-и-мѣю пред-с-с-та-а-ви-ться Ва-а-шему Сіа-я-тель-ству коллеж-скій Ас-с-се-соръ Се-р-е-б-ницкій. Тимоховичъ, не подавая ему руки, напыщенно и съ осанкою сказалъ ему: „А!это вы? Ну — все-ли у васъ исправно?“

— Ст-а-а-раюсь, Ва-а-ше Сі-я-тельство.

Поговоривъ въ томъ же родѣ не долго, онъ прямо началъ распекать его. Мы знали, что въ предыдущемъ году ему на ремонтъ магазина была отпущена извѣстная сумма, и Тимоховичъ строго сказалъ ему, что находить сумму эту черезъ-чуръ щедрою, что слышалъ, будто-бы она далеко не вся пошла на дѣло и что у него, конечно, остались излишки. Почему онъ объ этомъ не увѣдомилъ округъ и гдѣ оставшіяся деньги.

Несчастный Александръ Даниловичъ началъ клясться и божиться, крестясь на образъ, что онъ ничѣмъ не воспользовался, что все до копейки пошло на ремонтъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—сказалъ Тимоховичъ.—Это мы завтра посмотримъ и... берегитесь, если вы говорите неправду. Теперь уже поздно, да я и разбить страшно. Магазины я поѣду смотрѣть завтра, а теперь потрудитесь сейчасъ же подать мнѣ книги ваши и ключи отъ магазина.—Тотъ все это быстро принесъ.

Тимоховичъ началъ ревизовать книги, нашелъ кое-какіе промахи и между прочимъ распекъ Куклу за то, что пріемщикъ провіанта для стоящей въ городѣ батареи (т.-е. онъ самъ не росписывался въ книгѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ).

Данильичъ блѣднѣетъ, трясется, а Тимоховичъ едва удерживается, чтобы себя не выдать.

Когда хозяинъ ходилъ за ключами и книгами, то онъ встрѣтилъ у себя посланнаго отъ городничаго узнать, что такое у него за движеніе, кто пріѣхалъ. Кукла объяснилъ, что пріѣхалъ князь Шаховской, строгій, сердитый, что завтра будетъ ревизія и что онъ будетъ собирать комиссію.

А въ то время было правиломъ, чтобы ревизія не производилась иначе, какъ въ присутствіи комиссіи изъ городничаго, стряпчаго и, кажется, казначея. Пока Тимоховичъ ревизовалъ книги, явился городничій въ полной формѣ ему представиться. Онъ очень любезно его принялъ, подалъ ему руку, и, объяснивъ ему случай поломки экипажа, сказалъ, что страшно усталъ и сегодня хочетъ отдохнуть, а завтра будетъ осматривать магазинъ и просить его явиться самого и дать знать остальнымъ членамъ комиссіи. Затѣмъ онъ его отпустилъ. Между тѣмъ, жена Сребницкаго на кухнѣ разспрашивала Брецинскаго, что ѣсть Тимоховичъ, что пьетъ, что особенно любить. Тотъ навралъ ей цѣлую гору. Наговорилъ, что онъ любить и то, и другое, и все самое дорогое, что онъ пьетъ чай не иначе, какъ съ отличнымъ ромомъ, что очень любить поѣсть,

что вечеромъ непременно изрядно выпиваетъ и закусываетъ и проч. и проч.

Появился, наконецъ, чайный приборъ, а за нимъ и закуска. Боже мой, чего-чего тутъ не было. Все самое лучшее, что только можно было достать въ городѣ, и притомъ въ изобиліи. При всей своей скупости Кукла раскошелелся.

Тѣмъ временемъ евреи, узнавъ, что пріѣхалъ ревизоръ, открыли цѣлое гулянье мимо оконъ, тѣмъ болѣе, что это былъ табельный день.

Домъ одноэтажный, окна низкія и евреи ходятъ да поглядываютъ въ раскрытыя окна. Опасаясь, чтобы не выдать себя, Тимоховичъ какъ бы въ разговорѣ, говоритъ хозяйкѣ, что это неприятно, когда проходящіе видятъ все, что дѣлается въ комнатѣ, и попросилъ закрыть всѣ окна ставнями, оставивъ открытымъ только одно.

Что тутъ только поднялось! Въ мигъ явились будочники, разогнали евреевъ, и улица совершенно опустѣла. Не стало видно ни одного человѣка. Тогда Тимоховичъ попросилъ хозяевъ его оставить, они ушли, и онъ началъ пить чай и закусывать.

Между прочимъ наши офицеры собрались къ городничему, который жилъ почти противъ, и объяснили ему мистификацію. Тотъ сначала какъ бы обидѣлся. Говоритъ: ахъ, господа, что вы надѣлали? въ какое положеніе меня-то поставили. Вѣдь я являлся ему. Однако послѣ прибавилъ: впрочемъ, хорошо, что вы меня предупредили. Теперь ничего не выйдетъ; а затѣмъ, смѣясь, говоритъ: „Пусть ихъ хорошенько проберутъ Чортову Куклу“.

Стало уже совсѣмъ темно. Офицеры, пользуясь тѣмъ, что на улицѣ никого нѣтъ, пробрались къ окну, а Тимоховичъ сталъ имъ передавать закуски. Быстро былъ опорожненъ почти весь подносъ, почти все вино выпито. Однако для приличія оставили кое-что. Наконецъ, Тимоховичъ пріотворилъ дверь и крикнулъ: „Николай?! убери здѣсь и спать“. Хозяйка опять явилась и стала предлагать устроить постель. Однако, онъ отказался наотрѣзъ, сказавъ, что ляжетъ на диванѣ, а денщикъ въ той же комнатѣ на полу.

Человѣкъ (Брецинскій) вынесъ подносъ и чайный приборъ, послѣ этого ревизоръ и человѣкъ затворились.

Однако, черезъ нѣсколько минутъ Тимоховичъ слышитъ, что кто-то на цыпочкахъ идетъ по коридору, подходитъ къ двери и, видимо, подслушиваетъ. Тогда Тимоховичъ говоритъ громко: „Николай! тамъ кто-то ходитъ. Что это такое?“

Моментально все утихло и какъ бы умерло въ домѣ.

Подождавъ нѣсколько времени, Тимоховичъ съ Брецинскимъ погасили свѣчи, передали въ окно свои чемоданы офицерамъ, потомъ выскочили сами, затворили снаружи окно ставнями и отправились къ городничему. Смѣху было довольно. Разошлись мы уже подъ утро. На другой день мы встали до 10 часовъ. Вставъ, отправились къ Чортовой Куклѣ.

Что же видимъ? Домъ какъ мертвый, всѣ ставни закрыты, улица совершенно пуста. Ъхать никого по ней не пускаютъ. Самъ Чортова Кукла въ мундирѣ распоряжается, чтобы кто-нибудь не проѣхалъ и не побезпокоилъ бы ревизора.

У крыльца стоитъ великолѣпная коляска съ четверкою лошадей, взятая у сосѣдняго помѣщика князя Кастріати Скапдеръ-Бекъ. Стряпчій, казначей, почтмейстеръ тутъ же въ мундирахъ стоятъ на крыльцѣ. Мы въ домъ. Тамъ тишина удивительная. Спрашиваемъ у Сребницкаго, что это значитъ. Кукла машетъ руками, чтобы мы не шумѣли, шопотомъ говоритъ, что князь еще спитъ и что онъ ужасно строгій. А затѣмъ, обращаясь къ Тимоховичу, говоритъ: голубчикъ, Николай Петровичъ, гдѣ вы-то вчера были? а вѣдь мнѣ-то здѣсь какъ изъ-за васъ досталось

— За что?—спрашиваетъ.

— Да какъ же, вѣдь вы за пять мѣсяцевъ ни разу не расписались у меня въ книгѣ. Вѣдь вотъ какъ вы меня подвели. Теперь просто не знаю, что и будетъ за это. Богъ вамъ судья.

Тимоховичъ сталъ его успокаивать, говоря, что самъ явится во время ревизіи въ магазинъ и все объяснитъ князю.

— Ахъ, голубчикъ! ради Бога, спасите вы меня. Вѣдь совсѣмъ бѣда!

Черезъ нѣсколько времени спрашиваемъ мы у него:

— Что же такъ долго не выходитъ князь?

— А не знаю, все спитъ.

— Такъ вы его разбудите.

Тотъ и руками замахалъ:

— Что вы, что вы, да Боже сохрани. Вѣдь это бѣду наживешь?

— Какъ бѣду наживешь? Надо посмотрѣть. Почему вы знаете, можетъ онъ боленъ, можетъ быть умеръ.

— Ахъ что вы, что вы, какъ умеръ, Господь съ вами.

— Да что жъ тутъ мудренаго? 12 часовъ, а онъ все спитъ. Ну, навѣрное, что-нибудь да случилось. А гдѣ его человѣкъ?

— Да тамъ же. Съ собой положилъ.

— Какъ съ собой? не можетъ быть.

— Нѣтъ, вѣрно. Вчера приказалъ ему убрать закуску и придти спать.

— Что жъ онъ и закусывалъ и выпилъ?

— О-о! порядочно. По правдѣ-то сказать я ему цѣлый подносъ закусокъ-то подалъ, а вынесли меньше половины.

— Ну вотъ видите ли: закусывали съ вечера, и до сихъ поръ не выходятъ. Можетъ, они и вправду умерли. Скажутъ еще, что вы отравили.

Кукла обмеръ. Поблѣднѣлъ, какъ-то опустился весь и только повторяетъ:

— Ахъ! Боже мой, что же теперь дѣлать?

Мы посовѣтовали ему сходить къ городничему. Побѣжалъ. Тотъ ему тоже сказалъ свою догадку, что не умерли ли его гости. Вернулся домой нашъ Кукла самъ не свой.

Мы предлагали посмотрѣть въ комнату.

Тому и узнать хочется и разбудить боится—ну, просто потѣха. Говорить:

— Посмотрите, посмотрите, батюшка, а какъ разбудите что, будетъ?— Вы поосторожниѣе, голубчикъ... Ужъ Вы сами. Словомъ, совсѣмъ не знаетъ, что и говорить.

Взялъ я стулъ, поставилъ къ двери. А дверь вверху не плотно къ косяку подходила. Щель была. Посмотрѣлъ я. Въ залѣ хоть и мракъ, но сквозь щели ставень свѣту падало достаточно, что бы все видѣть. Кончено, кромѣ сѣна на полу, выброшеннаго изъ чемодановъ, да книгъ съ ключами на столѣ, ничего нѣтъ. Я и говорю совершенно громко: „Да вѣдь тамъ же никого нѣтъ“. Кукла присѣлъ, уши зажалъ и шикаетъ: „ш-ш-ш что вы, что вы? какъ нѣту? тамъ они“. Я слѣзъ и дверь на распашку. Входимъ—никого и ничего кромѣ сѣна да ключей съ книгами. Хозяинъ точно съ ума сошелъ. Оглянулся на всѣ стороны, да какъ захохочетъ... „Гдѣ-жъ они? ха, ха, ха, ха, гдѣ-жъ они? ха, ха, ха, ха“, только и слышно. „Боже мой, гдѣ-жъ они? ха, ха, ха, ха! Что-жъ это такое? ха, ха, ха, ха“!..

Полная истерика сдѣлалась. Насилу мы привели его въ себя. Начали успокаивать. Говоримъ ему, что это, должно быть, были мошенники, хотѣли его обворовать. Да увидѣли, что нельзя, и удрали.

А въ это время явился городничій.

Чортова Кукла къ нему навстрѣчу:

— Пропали, батюшка! никого нѣту.

Городничій говоритъ:

— Кто пропалъ?

— Да ревизоръ съ денщикомъ пропали. Нѣту ихъ въ залѣ.

— Какъ пропали? Куда же они дѣлись?

— Не знаю. Нѣтъ ихъ и все тутъ.

— Какъ нѣтъ? Что же это вы, батюшка, дѣлаете? Кто же это былъ?

— Какъ кто? да ревизоръ, князь Шаховской.

— А дайте-ка мнѣ его бумагу.

— Какую бумагу?

— Какъ, какую? да, вѣдь, получили же вы отъ него бумагу, что онъ, ревизоръ, князь Шаховской.

Кукла опѣшилъ.

— Никакой бумаги не получалъ.

— Какъ не получали? развѣ вы отъ него не потребовали удостовѣренія?

— Какое тамъ удостовѣреніе? Ничего я отъ него не требовалъ и ничего не имѣю.

— Батюшка мой! Александръ Даниловичъ! Въ какое же вы меня положеніе-то поставили? Вѣдь вы мнѣ прислали сказать, что ревизоръ пріѣхалъ. Почему же вы это узнали? Скажите ради Бога. Вѣдь я же къ нему являлся по вашимъ словамъ. А стряпчій, а казначей, а почтмейстеръ. Вѣдь вы всѣхъ въ ревизіонную комиссію пригласили. Вѣдь это чѣмъ пахнетъ? Нѣтъ, батюшка, такъ невозможно! Нашъ Александръ Даниловичъ совсѣмъ уподобился Гоголевскому городничему, когда тому доложили, что настоящій ревизоръ пріѣхалъ: руками развелъ, головою поникъ. Спустя нѣкоторое время онъ опамятовался. Говорить: — Что же это? вѣдь это выходитъ меня, можетъ быть, и убить хотѣли. А я-то для нихъ злодѣевъ обѣдъ приготовилъ. Поваровъ набралъ, готовятъ теперь на кухнѣ. Обѣдъ-то какже? Вѣдь пропалъ. Такъ вотъ, что, господа: ужъ приходите вы ко мнѣ на ревизорскій обѣдъ.

Всѣ расхохотались и остались охотно обѣдать. Обѣдъ былъ на славу, несмотря на страшную скупость хозяина.

Обѣдали и стряпчій, и казначей, и почтмейстеръ — всѣ въ мундирахъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, мы рассказали Куклѣ все. Бѣдняга ужасно обидѣлся, что его заставили сыграть такую роль. Однако, мы успокоили его. Уговорили притвориться, что онъ зналъ объ нашемъ замыслѣ.

Городничій ему сказалъ: когда стануть смѣяться надъ вами,

вы и сами смѣйтесь тоже и увѣряйте всѣхъ, что вы все это знали, но нарочно притворялись.

Такъ дѣло и окончилось.

Однако, въ слѣдующемъ году, къ намъ, когда мы были подъ Могилевомъ, въ лагерь пріѣхалъ губернаторъ Беклемишевъ.

Вдругъ командиръ бригады требуетъ Тимоховича къ себѣ. Тамъ встрѣчаетъ его губернаторъ и говоритъ:

„Очень интересно видѣть князя Шаховского“.

Тимоховичъ, конечно, сконфузился донельзя.

— Это вы, говоритъ, такъ хорошо ревизора разыграли?

— Я, ваше превосходительство, отвѣтилъ Тимоховичъ.

— Прекрасно, прекрасно, но ужъ пожалуйста въ другой разъ такихъ штукъ не выкидывайте.

На томъ все и кончилось.

А. Оноприенко.

